

In Love with Prozac

Признание переводчика

Обожаю спорить (...)

Мне не нужно, чтобы вы были на моей стороне — я сама на своей стороне.

Все имеют право на мое мнение¹.

Элизабет Вуртцель

(Но я позаимствую эту фразу в качестве
жизненного девиза. И вы можете.)

У дебютного романа Элизабет Вуртцель «Нация прозака» было множество шансов стать литературным фиаско. Много ли шансов на успех у двадцатисемилетней писательницы, за плечами у которой из опыта только Гарвард, любовь к винилу и музыкальным рецензиям, награда журнала *Rolling Stone* за эссе о Лу Риде, красота (и привычка постоянно напоминать о ней всем вокруг) относительно беспечная жизнь и не проходящая обида на развод родителей.

И депрессия.

«Нация прозака» и не слишком богатый жизненный опыт Вуртцель могли не заинтересовать читателей.

«Нация прозака» могла оказаться обычным *campus novel*.

«Нация прозака» могла называться *I Hate Myself and I Want to Die*².

«Нация прозака» могла обернуться нарциссической хроникой страданий обеспеченной белой девчонки, раздумывающей о самоубийстве между лекциями, вечеринками и наркотиками в Гарварде³.

¹ Colin Dwyer. “Elizabeth Wurtzel, Who Stirred Conversation With ‘Prozac Nation,’ Dies At 52,” *NPR*, 7 January 2020. <https://www.npr.org/2020/01/07/794233422/elizabeth-wurtzel-who-stirred-conversation-with-prozac-nation-dies-at-52>.

² Любимая фраза Курта Кобейна. Вы еще встретитесь с ней в самом начале книги, поэтому пока не буду спойлерить.

³ Walter Kirn. “For White Girls Who Have Considered Suicide”, *New York Magazine*, 5 September 5, 1994, p. 50.

«Нация прозака», как и все, что когда-либо делала Элизабет Вуртцель, могла вызвать привычное раздражение критиков, писателей и друзей, и остаться просто книгой — одной из сотен тысяч книг, изданных в 1995 году.

Но «Нация прозака» стала национальным и международным бестселлером, а со временем превратилась в культовую книгу. К русскоязычным читателям роман приходит с опозданием почти в тридцать лет — серьезный отрыв, который мог бы сильно притушить, если даже не убить интерес к книге. Многие авторы, чьи имена, казалось, определяли литературу тридцать лет назад, сегодня словно застыли в бронзе и пыли. Темы теряют актуальность. Язык не то чтобы устарел, но словно потерял витальность и способность жить в голове у читателя.

С «Нацией прозака» ничего из этого не произошло — наоборот, кажется, что именно сейчас роман Вуртцель может стать “the It Book”¹ для русскоязычных читателей. За тридцать лет она не утратила ни остроты темы, ни смелости подачи и ощущения вызова, что Вуртцель бросает всему миру, ни своей исключительной литературной харизмы.

«Прозак» был моим первым антидепрессантом, а сегодня кажется мне фармацевтической рухлядью, давно уступившей место фарме, что «быстрее, выше, сильнее»². «Нация прозака» была моей первой книгой-двойником, книгой, непонятным образом забравшейся мне в голову и рассказавшей все за меня раньше, чем я набралась бы смелости. С первой страницы и до последней, с решения перевести книгу и нескольких лет в поисках издателя до знакомства с кем-то, кто верит в «Нацию прозака» так же, как и я, — все это время, открывая наугад любую страницу, я понимала, что Вуртцель так же продолжает говорить про меня, про тебя, про *Zeitgeist*. Удивительно для книги, о которой критики наперебой твердили: все, о чем Вуртцель говорит, — это я, я, я. У истории литературы неплохое чувство юмора.

¹ «Той самой книгой» (сленг.) по аналогии с известным выражением “the It Girl”, которое идеально подошло бы Элизабет Вуртцель.

² Хотя, конечно же, это моя ошибка восприятия, флуоксетин по-прежнему занимает место в топе самых часто прописываемых антидепрессантов.

Элизабет Вуртцель ворвалась в литературу как «девочка-скандал». Провокационным в «Нации прозака» было все: «неудобная» тема депрессии, неожиданная для двадцатисемилетней дебютантки литературная смелость и, наконец, наглая, местами непристойная и убийственно обаятельная откровенность Вуртцель, равно как и манера ее письма.

Двадцатисемилетняя писательница не постеснялась назвать главную героиню собственным именем, а книгу — мемуарами. И настояла на том, что на обложке может — нет, обязана — быть только она сама, чтобы у читателя не оставалось никаких сомнений: перед нами не выдуманная история, перед нами — абсолютно откровенный рассказ Элизабет Вуртцель о себе и о своей борьбе с депрессией. Сегодня смелость этих жестов может казаться неочевидной, но в 1994 году дебютный роман Вуртцель «взорвал» литературный мир. Мемуары в двадцать семь лет — какая дерзость! Мемуары на триста с лишним страниц о собственной депрессии — невообразимо! Роман, основанный на личном опыте депрессии, особенно написанный женщиной, нарушал негласное литературное табу. В сочетании с формой исповедальной литературой — а Вуртцель взяла в ней настолько высокую ноту, что пронзительнее текста, кажется, и не представить — все это было, без преувеличения, настоящим прорывом. Вуртцель в одиночку совершила литературную революцию.

Депрессия, дерзость и харизма — именно они превратили Вуртцель в литературную рок-звезду. «Нация прозака» быстро приобрела статус культовой книги, а сама Элизабет — финансовую независимость и уверенность в том, что ей, культурной легенде, дозволено все. А еще тот особенный жизненный опыт и мировоззрение, которые неизбежны для «икон поколения»: ощущение, что весь мир вокруг и ненавидит, и одновременно пресмыкается перед тобой². Но, пожалуй, важнее всего было то, что ее публичная исповедь пе-

¹ Ken Tucker. “Rambunctious with Tears,” The New York Times, 25 September 1994, p. 11. <https://www.nytimes.com/1994/09/25/books/rambunctious-with-tears.html>.

² Jia Tolentino. “The Chaotic, Beautiful Larks of Elizabeth Wurtzel,” The New Yorker, 10 January 2020.

<https://www.newyorker.com/culture/postscript/the-chaotic-beautiful-larks-of-elizabeth-wurtzel>.

ред всем миром, «Нация прозака», «подарила ей свободу», и всю свою жизнь она «расходовала эту свободу беспечно и с огромной благодарностью»¹ — в том числе и как писательница. «Я пишу только то, что мне хочется», «я могу писать так, как пишу только потому, что я такая, как есть», — напишет Вуртцель в одной из своих самых знаменитых поздних статей².

И свою жизнь она прожила так же, как писала — свободно делала только то, что хотелось, целовала только тех мужчин, которых любила, и с любовью же принимала себя и собственный нарциссизм, превратив его в визитную карточку и одновременно — в лучшую защиту, обеспечивавшую ей неизменную веру в себя и полную неуязвимость перед комментариями критиков. Она не читала рецензий на свои книги и смеялась, когда ей пересказывали самые колкие моменты. В этом она проявляла удивительную душевную щедрость: никогда не обижалась на своих критиков, некоторым позже помогала, а кому-то даже становилась другом.

И как эта девица вообще получила контракт на книгу?³

Представлять книгу фразой о том, что ее или обожают, или ненавидят — страшная банальность. Но что делать автору этого предисловия, если клише в прямом смысле оживает: ведь *odi/amo* распространяется не только на «Нацию прозака», но и на ее автора? Немногим критикам, как Митико Какутани, удалось сохранить нейтральный, аналитический тон, говоря о дебюте Вуртцель: «Одновременно выворачивающая наизнанку и смешная, полная самовлюбленности и осознающая свое несовершенство, “Нация прозака” демонстрирует редкую честность калибра эссе Джоан Дидион, раздражающий эмоциональный эксгибиционизм в духе «Под стеклянным колпаком» Сильвии Плат и сухой, темный юмор песен Боба Дилана»⁴. Впрочем отдав должное стилю

¹ Elizabeth Wurtzel. “Elizabeth Wurtzel Confronts Her One-Night Stand of a Life,” *New York Magazine*, 14 January 2013.

² Там же.

³ Erica L. Werner. «Prozac Nation: Elizabeth Wurtzel’s Unofficial Guide to Whining,” *The Harvard Crimson*, 29 September 1994. www.thecrimson.com/article/1994/9/29/prozac-nation-elizabeth-wurtzels-unofficial-guide.

⁴ Michiko Kakutani. “The Examined Life Is Not Worth Living Either,” *The New York Times*, 20 September 1994, Section C, p. 19.

Вуртцель, Какутани отметила, что ее мемуарам не помешала бы серьезная редаKTура, особенно по части «упивающихся жалостью к себе пассажиров, где читателю хочется потрясти автора за плечи и напомнить ей, что вырасти в Нью-Йорке семидесятых и отправиться в Гарвард — далеко не худшая судьба»¹.

Рецензию *Publishers Weekly* на общем фоне тоже можно принять за почти умеренную: «Временами эмоционально захватывающая, а временами утомляющая своим солипсизмом, книга [Вуртцель] балансирует на грани между увлекательным автопортретом и кокетливой претензией на всеобщее внимание»². Но по большей части критики, стандартно отмечая эмоциональную силу и искренность повествования, предпочитали в деталях обсуждать и осуждать эмоциональную нестабильность главной героини и едва ли не соревновались в остроумии, подчеркивая заикленность Лиззи на самой себе. Вальтер Кирн из *The New York Magazine* отмечал, что, хотя «Нация прозака» и не лишена «хорошо написанных, убедительных эпизодов», в целом книга «абсолютно невыносима» и «поразительно эгоцентрична»³. Эрика Вернер на страницах *Harvard Crimson* задавалась вопросом: «И как эта девица вообще получила контракт на книгу? Почему ей разрешили написать эту дрянь?» — полную «непристойного эксгибиционизма», «у которого нет другой цели, кроме как заставить нас попеременно скучать или испытывать неловкость»⁴.

Kirkus Reviews обвинили Вуртцель в том, что она пытается получить все и сразу: «Ей хочется и того, и другого: одновременно быть и Главной среди Чокнутых, и голосом поколения». При этом «поочередно то умаляя свою депрессию, то придавая ей слишком много значения, Вуртцель теряет всякое доверие читателя: она или несносный подросток, который никак не повзрослеет, или правда нуждается в фарме. В конечном счете тебе на это наплевать»⁵.

¹ Там же.

² “Prozac Nation,” *Publishers Weekly*. September. <https://www.publishersweekly.com/9780395680933>.

³ Walter Kirn. “For White Girls Who Have Considered Suicide,” *New York Magazine*, 5 September 5, 1994, p. 50.

⁴ Erica L. Werner. “Prozac Nation: Elizabeth Wurtzel’s Unofficial Guide to Whining,” *The Harvard Crimson*, 29 September 1994. www.thecrimson.com/article/1994/9/29/prozac-nation-elizabeth-wurtzels-unofficial-guide.

⁵ “Prozac Nation. Young and Depressed in America. By Elizabeth Wurtzel,” *Kirkus Review*, 14 September 1994. <https://www.kirkusreviews.com/book-reviews/elizabeth-wurtzel/prozac-nation/>.

Но победителем в этом конкурсе критики *ad hominem*, пожалуй, стал Кен Такер, предположивший на страницах *The New York Times*, что «можно было бы проникнуться к мисс Вуртцель большим сочувствием, если бы ее собственная жалость к себе так не действовала на нервы»¹. «Не удивлюсь, если читатели станут пролистывать страницы одну за другой в тщетной надежде найти пару бесплатных капсул “Прозака”, запрятанных в книгу, чтобы их отпустило»².

Я хотела рок-н-ролла в тексте

Впрочем, никто не был безжалостен с Вуртцель так, как она сама. «Мне кажется, что себя саму я сделала худшим из персонажей. Мне кажется, я неприятнее всех», — признавалась Вуртцель — и в этом признании нет ни игры, ни кокетства. Плохие книги о депрессии часто романтизируют болезнь, выстраивая грубую связь между депрессией и артистическими наклонностями. Или же превращают депрессию в своего рода универсальную индульгенцию, оправдание любых поступков героя.

Вуртцель не выдает себе никаких индульгенций. Наоборот, чем больше ее героиня жалеет и оправдывает себя, чем больше требует того же от каждого, кто окажется с ней рядом; чем с большим упоением и вниманием к мельчайшим деталям она описывает свои страдания — тем заметнее ее нарциссизм, эгоистичность и самовлюбленность. Депрессия превращает Лиззи в невыносимое, монструозное существо и лишает ее симпатии друзей, равно как и читателей.

Эти метаморфозы облечены в интонационно безошибочный, точный текст. Вуртцель не допускает ни единой фальшивой ноты, описывая мысли и поведение Лиззи. Тем удивительнее, что, не стесняясь обвинений *ad hominem*, авторы разгромных рецензий так убежденно и подробно пишут о самолюбовании и самовлюбленности, эксгибиционизме и эгоцентризме Вуртцель, но не задают очевидного вопроса: почему же она столь нарочито и бескомпромиссно жестока со своей героиней — альтер эго?

¹ Ken Tucker. “Rambunctious with Tears,” *The New York Times*, 25 September 1994, p. 11. <https://www.nytimes.com/1994/09/25/books/rambunctious-with-tears.html>.

² Там же.

Рейчел МакЛеннан очень точно замечает, что борьба против стигматизации депрессии создала вокруг Вуртцель ореол писательницы-бунтарки, нарушающей все возможные правила, а, может, и вовсе не замечающей их, ведь она так увлечена рассказом о себе. Акцент на сопротивлении, нонконформизме справедлив, но в то же время этот образ затмил собственно литературный талант Вуртцель, сложность ее письма и существенный вклад в развитие традиции американской автобиографической прозы. МакЛеннан настаивает на том, что и голос, и образ Лиззи — то есть ее нарциссизм, эгоцентричность и потребительское отношение к другим — все это тщательно сконструировано стилистически¹. Голос Лиззи не идентичен голосу Элизабет Вуртцель, его гротескные, отталкивающие интонации придуманы и продуманы автором. В написанном в 2015 году специальном послесловии к роману Вуртцель объясняет, что ее творческая задача — максимально точно передать состояние депрессии, не смягчая изображения Лиззи и не пытаясь сгладить острые углы, — и эта установка напрямую определили стилистику «Нации прозака». Вуртцель сравнивает себя с Уильямом Стайроном: в «Зримой тьме» он пишет так, словно стесняется пережитой депрессии и пытается замаскировать самые темные ее проявления. А писательница-бунтарка делает все по-другому:

«Но мне хотелось просто взорваться. Я хотела писать, как лихорадочная. Хотела забыть все литературные условности, и сомнение, и самообладание, и соображения разумности, которые, как меня всегда учили, были признаками хорошего текста (...) Мне хотелось рок-н-ролла в тексте».

Придуманный ею рок-н-ролл — нарциссизм, отсутствие самоиронии, постоянное самовозвеличивание — явно выдает свою искусственную природу, сделанность, в послесловии, где голос Вуртцель звучит совершенно иначе. Драматизм интонации не уходит окончательно, но внимание рассказчицы здесь направлено не на себя, а вовне. Ее взгляд не прико-

¹ Rachael McLennan. "Autobiography as Mediation and Mitigation: Elizabeth Wurtzel's Prozac Nation (1994) and Porochista Khakpour's Sick (2018)," *Comparative American Studies*, v. 18, 2, 2021, pp. 222. <https://doi.org/10.1080/14775700.2021.1988293>.

ван к зеркалу, но, наоборот, пристально изучает «Соединенные Штаты Депрессии» — мир, состояние которого Вуртцель пытается проанализировать и объяснить.

Объяснение, найденное МакЛеннан, как будто, лежит на поверхности — достаточно внимательно прочитать послесловие к изданию 1995 года. Но если критики это и делали, то предпочитали — случайно или намеренно — игнорировать объяснения автора. Тем более, что сама Вуртцель, кажется, наслаждалась возможностью играть в саму себя, стереть грань между собой и Лиззи, реальностью и «Нацией прозака». И эта игра тоже была частью ее бунта.

Икона Gen X¹/Что-то вроде гарвардской Бритни Спирс?²

В «Нации прозака» Лиззи очаровательно называла себя «сплошным беспорядком» — и Элизабет Вуртцель, несомненно, тоже им была. Она всегда опаздывала, говорила о себе и почти никогда о других, могла проспаться фотосъемку, не сдать вовремя обещанный текст или напрочь о нем забыть. Во время книжного тура заказывала наркотики почтой *FedEx*, прямо в гостиницу, и не раз выводила из себя ведущих телевизионных шоу, игнорируя сценарий ради новой порции неприлично откровенных рассказов о себе. Например, о своей зависимости от кокаина и жизни в рехабе.

Она постоянно опаздывала на собственные чтения и встречи с читателями, даже не пытаясь придумать правдоподобные объяснения. В них, впрочем, необходимости не было: фанаты всегда были готовы ее ждать и прощали все, лишь бы Вуртцель оставила подпись на книге или аптечном рецепте на «Золофт».

Ее жизнь состояла из хаоса, нелепостей и спонтанных решений — как и положено «иконе поколения». Например, учеба в Йельской школе права, куда Элизабет пошла «просто так».

¹ Alex Williams. “Elizabeth Wurtzel Finally Grew Up, Like the Rest of Gen X,” *The New York Times*, 8 January 2020. <https://www.nytimes.com/2020/01/08/style/elizabeth-wurtzel-gen-x.html>.

² Цит. по: Karen Walby. More, Now, Again: A Memoir of Addiction. *Entertainment Weekly*, 1 March 2002. <https://ew.com/article/2002/03/01/more-now-again-memoir-addiction/>.

Например, работа в юридической компании, начавшаяся за два года до того, как она, со второй попытки, сдала официальный экзамен штата Нью-Йорк на адвоката.

Например, судебное разбирательство с *Penguin*, которые подписали с Вуртцель контракт на 100 000 долларов, чтобы та написала «книгу для подростков, которая помогала бы им справляться с депрессией». Вуртцель получила аванс в 33 300 долларов, но, несмотря на все напоминания от издательства, так и не написала книгу. И не возвращала аванс до тех пор, пока суд не признал иск *Penguin* справедливым.

Например, экранизация «Нации прозака» — на редкость несчастливый фильм со скандальной судьбой (он был допущен к показу в Норвегии, но так и не попал на экраны кинотеатров в США, предположительно из-за противоречивого комментария про 9/11, который Вуртцель дала прессе), но зато — с гипнотической юной Кристиной Риччи в главной роли.

Например, обложка ее второй книги *Bitch*, для которой Вуртцель снова позировала сама. Правда, на этот раз — с обнаженной грудью, которую едва прикрывает протянутая к читателю рука, демонстрирующая средний палец.

«Я всю жизнь занималась тем, что сводила людей с ума», — позже напишет Вуртцель. «Если о чем-то нельзя говорить вслух, то я уже жду не дождусь прокричать об этом в окно. Я невозможна. Я никогда не понимала, откуда во мне вся эта необузданность. Не знала, почему именно мне вечно нужно быть провокатором. Я думала, что со мной что-то не так. Но однажды поняла, что со мной все так. Теперь я знаю, что такой родилась»¹.

После публикации второго романа, *USA Today* назвали Элизабет «чем-то вроде гарвардской Бритни Спирс»² — ей это понравилось. «Если худшее, что обо мне можно сказать — что я Бритни Спирс литературного мира... Ну правда, кто заполнит эту нишу, если не я?»³.

¹ Elizabeth Wurtzel. “Neither of My Parents Was Exactly Who I Thought They Were,” *Head Topics*, 30 November 2019. <https://headtopics.com/us/neither-of-my-parents-was-exactly-who-i-thought-they-were-9867126>.

² Karen Walby. “More, Now, Again: A Memoir of Addiction,” *Entertainment Weekly*, 1 March 2002. <https://ew.com/article/2002/03/01/more-now-again-memoir-addiction/>.

³ Там же.

Но если сравнение с Бритни Спирс и позабавило Вуртцель, вряд ли она приняла его всерьез. Ведь сама Элизабет проводила совершенно другую параллель — с Куртом Кобейном. Его слова открывают книгу, он — герой эпилога «Нации», ему посвящены последние строчки. Кобейн — пожалуй, главная икона поколения X — покончил с собой в 27. Вуртцель не вошла в «клуб 27» — наоборот, в этом возрасте она и опубликовала «Нацию прозака». Но она, очевидно, примеряла на себя этот миф и придавала значение совпадению чисел. Курт выбрал уйти, Элизабет — избежать «клуба 27» — но всю свою жизнь прожила так, будто была его частью. И в романах она представляет себя как трагическую героиню, которая обречена жить легко, красиво, невозможно страшно — на грани между жизнью и смертью. Но страшно только нам. А Лиззи Вуртцель даже нравится жить так, словно смерть — не будущее, смерть — часть настоящего.

В вечной тени дебютного романа

Чтение «Нации прозака» можно сравнить с поездкой на автомобиле, где Вуртцель, не давая пассажирам ни единой передышки, постоянно вдавливает в пол педаль газа, увеличивая скорость и драматизм. Ее фирменная манера повествования — неровный, ломкий, словно задыхающийся голос, лихо закручивающий один за другим бесконечные обороты сложноподчиненных предложений. Злая наблюдательность, броские, острые фразы — Вуртцель пишет сложно, насмешливо, нагло. Вуртцель пишет о депрессии и еще раз о депрессии — необъяснимым образом, впрочем, оставаясь интересной для читателя и не повторяясь ни разу за все триста с лишним страниц.

Чрезмерно впечатлительную натуру «Нация прозака», правда, доведет до головокружения или временного безумия; что касается самой Вуртцель, то она готова продолжать так до бесконечности: педаль тормоза в ее машине не предусмотрена.

И она продолжала, не изменяя своей фирменной манере, — во всех книгах, написанных и опубликованных после «Нации». Вот только читателям оказалось достаточно и одной книжной гонки с Элизабет за рулем. Ее новые книги привычно вызывали раздражение, но уже не очаровывали.

Вторая книга Вуртцель, *Bitch: In Praise of Difficult Women* (1998), собрала под обложкой неожиданный ряд героинь (среди которых — Джин Харрис, Энн Секстон, Сильвия Плат, Кортни Лав, Эми Фишер, Николь Симпсон, Лорен Бэколл, Рита Хэйуорт, Мадонна, Шер, Грейс Келли, Одри Хепберн и Одри Хепберн), а в прессе — крайне противоречивые отзывы. Годы спустя, просматривая рецензии на *Bitch*, хочется отдать должное сдержанной оценке и проницательности Карен Лерман в *The New York Times*. По мнению Лерман, несмотря на то что *Bitch* — «полна чудовищных противоречий, эксцентричных отступлений и лишенных логики выпадов, это также и одна из самых честных, проницательных и остроумных книг о женщинах, что выходили за последнее время»¹.

Возможно, Лерман одна из немногих разглядела в книге нетривиальный и действительно смелый взгляд на женскую сексуальность и власть. Перебирая выбранных Вуртцель героинь — «сложных женщин», Лерман отмечает оригинальный тезис о том, что «их сила и амбиции существуют не за счет их женственности. Особенно важный вклад Вуртцель состоит в том, что она не считает нужным оправдываться за то, что женская сексуальность дает огромную власть и считает, что женщины должны чувствовать себя вправе ею пользоваться»².

Это утверждение не только сближает Вуртцель с так называемым *do-me* феминизмом — «крайне сексуализированной версией *power feminism*, в рамках которого сексуальная свобода является ключом к независимости и эмансипации женщин»³, но и в очередной раз приводит нас к столь важной для нее теме свободы. А возможность говорить о ее творчестве сквозь призму идеи *do-me* феминизма, «важным элементом [которого] является принятие и использование иронии как пространства игры и неоднозначности»⁴, дает спа-

¹ Karen Lehrman. “I Am Woman, Hear Me Whine. Elizabeth Wurtzel Celebrates Women Who Are a Pain in the Neck,” *The New York Times*, 19 April 1998. <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/98/04/19/reviews/980419.19lehrmat.html>.

² Там же.

³ Genz, Stéphanie and Brabon, Benjamin. “5. Do-Me Feminism and Raunch Culture”. *Postfeminism: Cultural Texts and Theories*, Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017, pp. 139–154.

⁴ Там же.